

Л. В. Попова

Миасс, Россия

**ИСТОРИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ «ЗАКОН»
В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ:
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ**

АННОТАЦИЯ. На материале лингвокультурологической лексикографии проанализирована структура юридической концептосферы «закон» в русском языковом сознании. На основе интерпретации исторических примеров функционирования компонентов данной концептосферы в юридическом дискурсе охарактеризованы основные этапы ее эволюции. Установлена ее связь с этнокультурными представлениями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концептосфера; правда; правовые концепты; юридический дискурс; языковое сознание; лингвокультурология; русский язык; нормативно-правовые акты.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Попова Людмила Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Миасский филиал Челябинского государственного университета.

Адрес: 456313, г. Миасс, ул. Керченская, 1.

E-mail: mila_fil@mail.ru.

L. V. Popova

Миасс, Russia

**HISTORY OF LEGAL SPHERE OF CONCEPTS «LAW»
IN THE RUSSIAN LINGUOCULTURE:
LEXICOGRAPHIC AND FUNCTIONAL ASPECTS**

ABSTRACT. The structure of legal sphere of concepts «law» in the Russian language consciousness is analysed on material of a linguoculturological lexicography. The main stages of evolution of this sphere of concepts are characterized on the basis of interpretation of historical examples of functioning of its components in a legal discourse. Connection of this sphere with ethnocultural representations is established.

KEYWORDS: sphere of concepts; truth; legal concepts; legal discourse; language consciousness; linguistic culturology; Russian language; regulations.

ABOUT THE AUTOR: Popova Lyudmila Victorovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Philology, Miass Branch of Chelyabinsk State University.

Правовые концепты составляют часть национальной языковой картины мира. Универсальные концепты имеют национальную специфику в рамках лингвокультуры. Основополагающим правовым концептом является «закон». Материалом для изучения эволюции данной концептосферы в юридическом аспекте могут служить номинации законодательных документов. В современной лингвокультурологической лексикографии наблюдается тенденция фиксации компонентов концептосферы «закон» как феноменов русской ментальности. Обоснованность придания юридическим концептам статуса общенациональных определяется их значимостью для всего лингвокультурного общества. Представляется необходимым выделить ключевые номинации в концептосфере «закон», сопоставить их концептуальное содержание, определить их связь с традиционными лингвокультурными представлениями, охарактеризовать их влияние на развитие национального правосознания. Наиболее информативным лексикографическим изданием о русской лингвокультуре в данное время является «Словарь русской ментальности» В. В. Колесова, Д. В. Колесовой, А. А. Харитоновой [Колесов 2014]. В него включено описание ядерной единицы изучаемой нами концептосферы (собственно «закон») и таких центральных единиц, как «устав», «указ», «учреждение». Связь последних с «законом» кратко оговаривается в словарных статьях. Комплексный анализ всех отраженных в словаре компонентов концептосферы «закон» необходим для уточнения смысловых связей, выделения общего и различного.

Главными концептуальными признаками «закона» являются его объективность и фиксация предела свободы: «объективно справедливая мера поступков и событий, не переходящих за кон(ец)» [Колесов 2014, т. 1: 285]. Подчеркивается прямая связь юридического «закона» с властью (обобщенный образ), вводящей нормы жизни государства и общества, ограничивающей действия человека. Отмечаются основные формы существования «закона» — устав, указ. Главными концептуальными признаками «устава» являются официальное введение порядка и побуждение человека к правильному поведению: «направлен на объект воздействия сверху, законодательно устанавливая и предписывая правила и порядки, наставляя человека на “путь истинный”» [Колесов 2014, т. 2: 438]. «Устав», как и «закон», вводится властью,

имеет письменную форму. Главными концептуальными признаками «указа» являются официальная регламентация деятельности социума и объяснительная функция: «Указ, как и совет, наставление, содержит информацию, направленную на объяснение и толкование <...>, что обуславливает направленность указа сверху вниз в иерархии от высшего к низшему. Будучи проявлением высшего индивидуального волеизъявления или соборного мнения (“бояре приговорили и царь указал”), указ предписывает человеку или обществу тот или иной образ действий <...>» [Колесов 2014, т. 2: 421]. В косвенной связи с «уставом» находится «учреждение»; эта ментальная категория трактуется как процессуально-результативный феномен: «установленная сверху последовательность действий, реализованная в их конкретном результате» [Колесов 2014, т. 2: 444]. Главными концептуальными признаками «учреждения» являются официальное введение последовательности (очередности), связь с обычаем. Удоболение «уставу» определяется возникновением «учреждения» по инициативе власти («сверху»). Необходимо отметить, что «учреждение» в истории русского юридического дискурса непосредственно включено в концептосферу «закон», будучи названием законодательных документов XVIII–XIX вв. Аналогичная «учреждению» деривационная и когнитивная модель характерна для не отраженного в издании [Колесов 2014] термина «уложение», обозначавшего крупные законодательные документы и, следовательно, бывшего частью концептосферы «закон».

На основе лексикографической информации можно выделить интегральные смыслы у «закон», «устав», «указ», «учреждение», акцентируя их роль в правосознании: иерархичность общества, вследствие которой возникают законодательные документы и которую они поддерживают; принуждение членов общества к выполнению правовых норм. Данные смыслы, очевидно, универсальны для правовой сферы в любой лингвокультуре. Повидимому, наиболее важными для понимания специфики русской лингвокультуры следует считать дифференциальные смыслы компонентов концептосферы «закон». Различия касаются способов, с помощью которых, судя по внутренним формам и наиболее древним (деривационным) значениям, русскоязычное правосознание (с опорой и на общеславянские представления) концептуализировало появление правовых норм и механизм их функционирования. Итак, «закон» ограничивает пространство деятельности субъекта права, запрещая пересекать границу дозволенного,

сообщая, чего делать нельзя. «Устав» и «указ» (а также «учреждение», «уложение») устанавливают порядок деятельности, давая образец правильного поведения, объясняя нормы, побуждая к их соблюдению. «Закон» — объективный предел, безличный запрет, одинаковый для всех членов общества, обязанных знать и выполнять его (самостоятельность). «Устав» и «указ» — результаты упорядочивающей деятельности (физической или вербально-визуальной) субъекта власти, законодателя, адресующего императивное сообщение подчиненным; подчеркивается иерархичность правовой коммуникации, в которой член общества имеет низкий статус по отношению к законодателю и нуждается в сверхконтроле (несамостоятельность). Обобщая сказанное, можно обнаружить близость когнитивных категорий «устав», «указ» и подобных, с одной стороны, и их противопоставленность «закону», с другой стороны, по критерию проявленности человеческого фактора, то есть включенности человека в правовую коммуникацию с четко определенной ролью. Категории типа «устав», «указ» моделируют межсубъектные правовые отношения «законодатель — субъект права». «Закон» — абстрактная категория, не отражающая межсубъектной коммуникации.

Интерпретация собранных нами примеров функционирования компонентов концептосферы «закон» в истории русского юридического дискурса углубляет представление об эволюции концептосферы «закон» как части лингвокультуры. В функциональном отношении термины *устав*, *уложение* и *учреждение*, как и обозначаемые ими законодательные документы, были очень близки (соответственно близости концептов), что подтверждается лексикографией: *устав* — ‘учреждение, постановление, законоположение’ [Словарь... 1847, т. IV: 364], *уложение* — ‘узаконение, учреждение, устав’ [Там же: 340], *учреждение* — ‘установление’ как действие учреждающего [Там же: 380], в юридическом дискурсе и как документ, устанавливающий правовые нормы.

Среди ранних номинаций законодательных документов высшей силы присутствует термин *устав*. Понятие устава уже в древнеславянском праве подразумевало официальность и обязательность соблюдения, но не предполагало конкретного авторства и, по-видимому, письменной фиксации. Так, в договоре с Византией 944 г. термин *устав* дополняет термин *закон*, который в ту эпоху обозначал не письменный акт, а совокупность норм обычного восточнославянского права [Исаев 2001: 44; Российское законодательство... 1984–1994, т. 1: 19], следователь-

но, *устав* фактически являлся дублетом к *закону*, причем, судя по контексту, именно в восточнославянской культуре: «по закону Гречьскому по уставу, и по закону Рускому» [Памятники... 1952–1961, вып. 1]. В письменной традиции устав приобретает авторство. Пространная (поздняя) редакция «Правды Русской» (XI в.) состоит из двух частей: «Устава Ярослава Владимировича» и «Устава Владимира Всеволодовича Мономаха». Древнейшим названием первого письменного свода юридических норм считается «Судь Ярославль Володимерича. Правда Русьская», то есть термин *устав* был включен в пространную редакцию позже, вероятно, по образцу более ранних уставов: известны древнерусские княжеские уставы и уставные грамоты, определявшие сферы юрисдикции церкви в государстве, например: «Устав князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных» (XI–XII вв.), «Устав князя Ярослава о мостех» (XIII в.) и другие. Предполагается, что эти акты появлялись под влиянием византийского законодательства (в частности «Номоканона» IX в.), которому была свойственна авторизация [Памятники... 1952–1961, вып. 1]. Важно отметить, что входящий в название «Правды Русской» термин *правда* имел то же значение, что и *закон* в договоре с Византией 944 г. ('нормы права'), поэтому должен рассматриваться как часть данной концептосферы; использование термина *закон* в договоре обусловлено, очевидно, необходимостью нейтрального перевода греческого νόμος 'обычай, закон, установленный людьми', при этом термин *правда*, осложненный моральной семантикой, не был использован по причине неполноэквивалентности [Попова 2018]. В XVIII–XIX вв. устав, сохраняя статус законодательного акта верховной власти, приобретает форму правового кодекса, применяющегося в определенной сфере: «Уставъ Воинскій» 1716 г. [Полное собрание... 1830, т. V, № 3006. — Здесь и далее знаком № обозначается порядковый номер документа в «Собрании»], «Регламентъ или Уставъ Главнаго Магистрата» 1721 г. [Там же, т. VI, № 3708], «Уставъ Благочинія или Полицейскій» 1782 г. [Там же, т. XXI, № 15379], «Уставъ уголовного судопроизводства», «Уставъ гражданского судопроизводства» 1864 г. [Полное собрание... 1830–1884, т. XXXIX, № 41476, 41477].

Термин *уложение* (от *уложити* 'учредить, постановить, узаконить') в XVII в. становится названием общегосударственного свода правовых норм — «Уложение» 1649 г., или «Соборное уложение» («соборомъ уложили») [Полное собрание... 1830, т. I,

№ 1]. Данная традиция номинации сохраняется в XIX — начале XX в., происходит сужение значения до свода норм одной области права: «Уложение о Наказаніяхъ Уголовныхъ и Исправительныхъ» 1845 г. [Полное собрание... 1830–1884, т. XX, ч. 1, № 19283], «Уголовное Уложение» 1903 г. [Полное собрание... 1885, т. XXIII, № 22704]. Кроме того, в юридической речи XVII в. термин *уложение* имел значение ‘законодательство’, что следует из контекстуального анализа «Уложения», где формулы «по уложению прежнихъ Государей» и «по прежнему уложению» соотносятся с перечисляемыми видами законодательных актов и кодексов («государские указы», «боярские приговоры», «судебники»).

Термин *учреждение* (от *учредити* ‘постановить, узаконить’, синонимичного *уложити*) в значении специализированного свода правовых норм использовался в законодательной деятельности XVIII–XIX вв.: «Учреждения для управления Губерній Всероссийскія Имперіи» 1775 г. [Полное собрание... 1830, т. XX, № 14392], «Общее Учреждение Министерствъ» 1811 г. [Полное собрание... 1830, т. XXXI, № 24686], «Учреждение судебных установлений» 1864 г. [Полное собрание... 1830–1884, т. XXXIX, № 41475]. Как было отмечено, деривационная и когнитивная модель *учреждения* соответствует *уложению* (‘упорядочивание’).

Появление термина *указ* связано с названием древнерусского нормативно-правового акта *указная грамота*, которая в XIV–XVI вв. регламентировала имущественные отношения и права феодалов. С XVII в. *указ* — один из наиболее частотных законодательных актов, издаваемых главой государства или высшим органом власти (*Именный, Сенатский*). Указы регламентировали различные сферы жизни общества, разъясняя и дополняя правовые кодексы: именной указ «Объ отмѣнѣ въ судныхъ дѣлахъ очныхъ ставокъ, о бытіи вмѣсто оныхъ распросу и розыску, о свидѣтеляхъ, объ отводѣ оныхъ, о присягѣ, о наказаніи лжесвидѣтелей и о пошлинныхъ деньгахъ» 1697 г. [Полное собрание... 1830, т. III, № 1572]; именной указ «О должности Фискаловъ» 1714 г. [Там же, т. V, № 2786], сенатский указ «О возвращеніи неисправныхъ отчетовъ, для исправленія въ тѣ мѣста, отъ коихъ были представлены» 1829 г. [Полное собрание... 1830–1884, т. IV, № 3335], сенатский указ «О наблюденіи и отчетности по дѣламъ, поступающимъ изъ гражданскихъ судебныхъ мѣстъ въ военные суды» 1848 г. [Там же, т. XXIII, № 22202] и мн. др.

Термин *закон* до XX в. отсутствует среди номинаций актов высшей юридической силы (в функции реквизита «вид докумен-

та»). Следует обратить внимание на то, что при толковании лексемы *закон* в значении 'установление, предписание светской власти' в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» даются цитаты из источников религиозного, летописного характера, описывающих факты нерусской культуры [Словарь... 1975, вып. 5: 218]. Характерна дефиниция выражения *законы гражданские* в лексикографии XVIII в., отражающая логическую идентификацию традиционных правовых актов (*устав, уложение*) с законами: «Государями и властями свѣтскими уложенные уставы» [Словарь... 1789–1794, ч. III: 9]. Подобное явление фиксируется и в начале XX в., когда при введении «Уголовного Уложения» (1903 г.) его статус поясняется в именном указе как *кодекс, закон* [Полное собрание... 1885, т. XXIII-1, № 22704], но заглавная номинация дается в русле национальной традиции (при возможных вариантах «Уголовный кодекс», «Свод уголовных законов»).

По результатам нашего исследования, постепенная актуализация термина *закон* и его производных терминологических вариантов *узаконение, законоположение* (под влиянием моделей *уложение, учреждение*) происходила в русском юридическом дискурсе XVIII–XIX вв. Безусловно, одним из важных факторов этого процесса было западноевропейское влияние, осмысление норм и языка европейских правовых систем, восходящих к латинской: *закон* — лат. *lĕx*, фр. *loi*, англ. *law*, нем. *Gesetz*. Приведем некоторые примеры. В указе Петра I «О хранении прав гражданских, о невершении дел против Регламентов, о невыписывании в доклад что уже напечатано и о имени сего указа во всех судных местах на столе, под опасением штрафа» 1722 г. равнозначно использованы варианты *права* 'законы' (в заглавии и тексте) и собственно *законы* («всуде законы писать, когда их не хранить») [Полное собрание... 1830, т. VI, № 3970]. В эпоху Екатерины II издан сенатский указ «О рѣшеніи тяжбъ и исковъ между иностранцами, по Россійскимъ законамъ» 1775 г. [Там же, т. XX, № 14323], в котором чередуются сочетания *россійские (английские) законы / права*. Квалификация *закона* как самостоятельного вида нормативно-правового акта введена Екатериной II в Наказе, данном Комиссии о составлении проекта нового «Уложения»; вторую категорию должны были составить *учреждения* (наказы, уставы), третью — *указы* [Там же, т. XVIII, № 12949]. В предисловии к первому выпуску «Полного собрания законов Российской Империи» 1830 г. все включенные в него акты самодержавной власти (в частности

устав, уложение, учреждение, указ) обозначены как *законы / узаконенія*. Однако и в XIX в. в государстве существовали не *законы, а указы, уставы, уложения, учреждения* и др.

Таким образом, документальный материал национального юридического дискурса свидетельствует о том, что русская концептосфера «закон» прошла особый путь развития, она не имела монолитности и однородности. У истоков концептосферы находится «правда» ('истинные и справедливые правовые нормы'), которая и впоследствии сохраняла центральную позицию [Попова 2018]. В дальнейшем под влиянием экстралингвистического фактора (укрепление самодержавной власти) ядро формируется несколькими однотипными компонентами («устав», «уложение», «учреждение», «указ» — 'установления верховной власти, вводящие порядок, дающие образец поведения, объясняющие нормы, побуждающие к их соблюдению'). Данная концептуальная модель обусловлена этнокультурным стереотипом подчинения, согласно которому представление о социально одобряемом поведении включает следующие компоненты: «покорность» — «вынужденная внешней силой способность человека подчинять свою волю и поступки власти другого» [Колесов 2014, т. 2: 48], «послушание» — «безусловная покорность чужой воле, добровольное ей повиновение как результат признания силы или правды носителя этой воли» [Колесов 2014, т. 2: 67], «повиновение» — «беспрекословное исполнение всех повелений, исходящих от власти, авторитета или божественной воли как проявление общественной иерархии» [Колесов 2014, т. 2: 30]. Концептуальная модель субъективности установления юридических норм и несамостоятельности субъекта правоотношений доминировала в русском юридическом языковом сознании с древности и на протяжении XVIII–XIX вв., когда русская юриспруденция осваивала термин *закон* в современном ей международном смысле. «Закон» ('предел, запрет, одинаковый для всех членов общества, обязанных знать и выполнять его') первоначально занимал периферию, концептуальная модель объективности юридических норм и самостоятельности субъекта правоотношений не была актуальной даже в юридическом языковом сознании. Это положение можно считать справедливым и в отношении русского языкового сознания в целом. Фактически в XVIII–XIX вв. начинается официальное переструктурирование концептосферы «закон», формирование новой парадигмы, в которой ядром постепенно становится собственно *закон*.

ЛИТЕРАТУРА

Исаев М. А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов: от договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. — М., 2001.

Колесов В. В. Словарь русской ментальности : в 2 т. / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. — СПб., 2014.

Памятники русского права. — М., 1952–1961. Вып. 1–8.

Полное собрание законовъ Россійской Имперіи. Собрание Первое. — СПб., 1830.

Полное собрание законовъ Россійской Имперіи. Собрание Второе. — СПб., 1830–1884.

Полное собрание законовъ Россійской Имперіи. Собрание Третье. — СПб., 1885.

Попова Л. В. Этнокультурная специфика номинаций русских законодательных документов: диахронический аспект // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. — Пенза, 2018. С. 328–331.

Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. — М., 1984–1994.

Словарь Академии Россійской. — СПб., 1789–1794.

Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР, Ин-т рус. яз. — М., 1975.

Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторым отдѣленіемъ Императорской Академіи : в 4 т. — СПб., 1847.

REFERENCES

Isaev M. A. *Tolkovyy slovar' drevnerusskikh yuridicheskikh terminov: ot dogovorov s Vizantiei do ustavnykh gramot Moskovskogo gosudarstva.* — M., 2001.

Kolesov V. V. *Slovar' russkoy mental'nosti : v 2 t. / V. V. Kolesov, D. V. Kolesova, A. A. Kharitonov.* — SPb., 2014.

Pamyatniki russkogo prava. — M., 1952–1961. Vyp. 1–8.

Polnoe sobranie zakonov" Rossiyskoy Imperii. Sobranie Pervoe. — SPb., 1830.

Polnoe sobranie zakonov" Rossiyskoy Imperii. Sobranie Vtoroe. — SPb., 1830–1884.

Polnoe sobranie zakonov" Rossiyskoy Imperii. Sobranie Tretie. — SPb., 1885.

Popova L. V. *Etnokul'turnaya spetsifika nominatsiy russkikh zakonodatel'nykh dokumentov: diakhronicheskiy aspekt // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* — Penza, 2018. S. 328–331.

Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov : v 9 t. — M., 1984–1994.

Slovar' Akademii Rossiyskoy. — SPb., 1789–1794.

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. / AN SSSR, In-t rus. yaz. — M., 1975.

Slovar' tserkovno-slavyanskago i russkago yazyka, sostavlennyy vtorym otd'bleniem" Imperatorskoy Akademii : v 4 t. — SPb., 1847.